



Фреш Бриз

КОСМОГЛУПОСТИ

Любовно-фантастический роман

18+

Фреш Бриз Космоглупости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23306161

Аннотация

Меня зовут Эмма. Я – космонавт, и это моя история. Мы должны были лететь на совсем уже не таинственный Марс. Мы – это я и ещё четыре члена экипажа. Но Космос такой огромный, до конца не изученный, и он не так уж и предсказуем... Мало ли, что может случиться с кораблём и пятью людьми в этом тёмном и необъятном пространстве...

Пролог.

Шиа Мегмондороропомифлюс стоял перед огромным окном, открывавшим вид на принадлежавший ему город. Точнее, окном это можно было бы назвать, если бы в огромной дыре в стене было бы стекло. Или витраж. Или хоть рыбий пузырь, растянутый для защиты от ветра. Но ничего такого не было. Значит, и стоял он не перед окном. Короче, это всё мелочи, главное – вид поражал: насколько хватало взгляда, видны дома и улицы, богатые и бедные, и его подданные, в суете дневных дел даже не подозревавшие, насколько зависят их судьбы от того решения, которое Шиа Мегмо... дайте на том и остановимся. Итак, которое Шиа Мегмо примет сегодня.

А причиной размышлений служил один из сыновей – не любимчик, но и не дурак. И именно потому, что Ашмернот Кортонизурашиш Тимшалабейротугноц дураком не был, Шиа Мегмо даже себе боялся признаться, что боится реакции сына на новость о том, что он, отец, решил отправить его в Половину Становления на несколько лет раньше, чем это полагалось обычно. Правитель вспомнил свой проход по страшной половине и тот урок, который извлёк. Именно это и позволило ему стать тем, кем он был вот уже целую прорву времени. Шиа должен был научиться испытывать вкус к жизни. Ведь он был старшим сыном, а значит, должен был после отца принять под свою ответственность весь свой на-

род. И этот город – лишь один из немногих в его подчинении. Но к своим 30 годам Шиа было всё равно, он станет Правителем или один из братьев. И какой именно. И как он, брат, будет править. Шиа не волновала даже своя дальнейшая судьба, что уж говорить про миллионы подданных. Нет, он не мечтал о смерти, ему просто всё было по барабану: кто, где, за кем и после кого. Есть покушать, да и ладно. Прожили день спокойно – вообще красота! И только в Половине Становления Шиа Мегмо понял, что значит выживать, что значит молить о том, чтобы жизнь, вот-вот готовая оборваться, ещё немного задержалась ради него. Только там он стал другим, – тем, кто почувствовал вкус воздуха, вкус желаний и громких планов, кто орал на многие пространства безлюдной пустыни вокруг, что он – сделает так, как хочет он, а не как угодно мёртвой земле.

А ещё Шиа вспомнил своего предка, с которого началась эта традиция. Тот получил мудрость. Тогда планета захлёбывалась в крови и многие готовились к беспричинной смерти. Дистрог пошёл на другую половину, а через несколько лет, вернувшись, навёл порядок и обязал всех отпрысков нынешних и будущих Правителей перед своим становлением как мужчин, отправляться туда. Не пойдёшь – ты не сын Правителя. Не вернёшься – дело такое, главное – не трус. Вернёшься – можешь править, если хочешь, если твоя очередь подойдёт. Те, кто не сын Правителя, т.е. не рождён от него, могли быть вольны – идти или нет. Как правило, лишь те, кто

хотел быть воином или советником, отправлялись на Половину Становления. Вернулся – заслужил своё право. А кто в воины и к правящим не рвался, о той половине планеты лишь слухи собирал.

Ашмернот... сможет ли понять, какой урок ему поставит Шиа? Мальчик... Сын, который не знает любви. Именно так видел Шиа проблему Ашмернота – не умеет любить. Умён, гад, целеустремлён. Уже сейчас метит на место отца. Плохо, что из-за своих особенностей, в обход братьев этого хочет добиться. Умел бы любить – не планировал бы их смерть. Сегодня утром всё подтвердилось: среди заговорщиков нашёлся предатель. Что ж, значит, уже через пару часов Ашмернот будет на пути к своему Становлению. Шиа хотел, чтобы сын выжил, но и боялся, что тот не поймёт урок. Мало вернуть-ся, – будешь отличным воином, одним из лучших. Поймёшь урок – сможешь править.

Глава 1. Юмор у меня специфический. Хотя бы своим отсутствием.

Не знаю, зачем летали в космос Гагарин или Армстронг, а я – за зелёными мужчинами. Или синий мне больше к лицу?

Эмма.

Мне очень и очень страшно. Завтра мы стартуем. Пока с Земли, но, если всё будет гуд, сядем на Марс. Мы вый-

дем на красной планете, мы немного походим и соберём материалы для исследования своими, человеческими, руками. Вот в чём главная миссия полёта и нашей команды. До сих пор только зонды достигали поверхности Марса, и всё, что мы имеем оттуда, собрано этими же аппаратами. Следующий шаг – человек. Важна не новая информация, важен образ космического героя – долетевшего, побывавшего, вернувшегося. И страшно, потому что это мой последний и самый важный полёт.

Хотите знать, как я умудрилась стать космонавтом? Хотелось бы ответить – да очень просто! Но на самом деле всё вовсе не так. И поверьте, самым сложным было не показать себя на тренировках и испытаниях, не выдержать все те экзекуции в имитации нагрузок и невесомости на тело, не пройти по показателям здоровья и выносливости. Лично мне самым тернистым показался путь бумажный, бюрократический. Сколько, простите, жоп вылизано мною и моими родителями, сколько взяток отдано множеству мелких винтиков, которые сами по себе никакого значения в огромном механизме НАСА и правительства не имеют, но от «плюсика» или «галочки» которых на той или иной бумажечке, зависят и судьбы, и карьеры, и тот самый состав команды. Теперь уже этот путь пройден. В последний раз.

Домой нас не отпустили, оно и понятно – никому не нужны нежданчики перед вылетом. Ночуем тут, с утра в шаттл. Нас всего пятеро. Я, для себя всегда на первом месте. А те-

перь по старшинству – капитан команды Дэвид Войнс. Для него это тоже в последний раз. Насколько слышала, и насколько вообще можно верить этим слухам, Войнс собирается остаться после полёта инструктором при ведомстве. Строгий мужик, именно мужик. Кремень я бы сказала. Ему 38 и кроме, как быть космонавтом и командиром, он больше ничего в жизни не умеет, соответственно, склоняюсь к тому, что слухи верны на 90%. Дальше Марк Фризмер, первый помощник капитана или второй-главный. К его профессиональным качествам претензий нет, а вот к человеческим... говно редкое. Но выбирала не я. Наш физик, биолог, и Бог ещё знает, сколько у него дипломов и степеней – Николай Польков. Наверное, он вундеркинд, потому что к 27 годам иметь столько званий и наград нормальный человек не может. А вообще лапочка, смазливый такой. И не важно, что лабораторий как таковых на нашем пилотируемом корабле нет, а вся его роль заключается в том, чтобы взять с поверхности камешек, заточить его в колбочку, и под прицелом камеры поместить в контейнер, открывающийся в следующий раз уже на Земле. Без биолога нам на пустынном Марсе никак. Раудж Прости – наш бортовой врач. С этим да, с этим согласна, без доктора под рукой никуда. А кто я? Я механик. Я тот или та, кто большую часть жизни, не занятой тренировками и любовно-фантастическими романами о пришельцах, посвятил проводам, микросхемам и железякам. И выгляжу я как механик. Как бы проще себя обрисовать? Ну, «Солдат

Джейн» смотрели? Да, я такая. Правда, без таких мускулов, драться не умею и не люблю. Зато стрижка – один в один. И глаза у меня не карие, а голубые. Это внешне. А внутри я мягкая, белая, пушистая, и очень-очень романтичная натура, мечтающая о своём собственном инопланетном счастье в подмышке какого-нибудь воина из далёкой галактики.

Не то, чтобы мне вообще не нравились наши земные мужчины, они, конечно, тоже часто с виду мужественные красавцы бывают, но... как правило, уже после того самого резко становятся эгоистичными засранцами. Про романтику вообще молчу. В тряпочку. Романтика для них нечто такое невообразимо сложное, что им с трудом удаётся воплощать до тех только пор, пока не сброшен первый груз из отсеков семявоспроизводящих органов. Короче, кто вырос на похождениях славных капитанов инопланетных космических кораблей, тот на меньшее не согласится. Прецеденты были, каюсь, но не на долго. Т.е. ровно до тех пор, пока я не понимала, что из категории «дичь» меня уже перевели в менее почётную «завоёвано».

Поспать мне сегодня вряд ли удастся. Уже битых три часа верчусь в этой постели, а сна ни в одном глазу. Перед вылетом снотворное под запретом. Будем мучиться и ждать прихода. А пока не сплю, буду развлекаться воспоминаниями. Почему я решила стать космонавтом? Конечно, не потому, что верю, будто на моём веку нам выпадет счастье знакомства с другой цивилизацией. Как говорится, хотели бы – уже

бы прилетели. У меня оба родителя в НАСА работают. Научные сотрудники. Пошла по их стопам. Только от науки я далека, зато хорошо разбираюсь в том, что куда прикрутить, чтобы та или эта штука оторвалась от земли. Поломки у нас, у землян, явление закономерное и частое, потому такие, как я, нужны и в открытом космосе. Зарплата офигительная, что и было решающим фактором.

Хотела вспомнить свой первый полёт вокруг орбиты, да что-то в голову больше лезут книги, прочитанные недавно. Конечно, из жанра фантастики и, конечно, про любовь. Что-то у авторов раньше лучше получалось. Нет, сейчас ещё многие хорошо сочиняют, особенно наши, отечественные. А вот западные, по-моему, стали сдавать. Последняя книга перед этим вылетом называлась как-то... воин сердца...какой-то там дамочки. Уф-ф-ф-ф. Такого я ещё не читала! И не дочитала. И не буду больше. Пожалуй, вернусь, сменю любимый жанр. В общем, суть истории такова, что самые классные и самые крутые инопланетяне ну просто жить не могут без того, чтобы ... э-э-э... как бы это сказать..., чтобы... ну, в общем, ... короче, это не я придумала, я только суть излагаю. Так что вот: пока не полижут... поняли, да? Пока не полижут – жить не могут. Ага! В прямом смысле слова. И как представляю себе, что вот она, открыта охота на земных женщин и для чего? А чтобы привезти к себе на планету или, на худой конец, на свой звездолёт, и лизать их, лизать, лизать. И всю книгу на много страниц – о-о-о-о, как у него на неё стоял!

У него ни на кого ещё так не стоял, как на неё стоял! О-о-о, как он её хотел! Он никого ещё так не хотел, как земную эту женщину он хотел! А она после плена, месяц не мытая, но её запах (?) такой свежий и соблазняющий, что он уткнулся носом и лиз.... Короче, вот и не дочитала.

Меня пробило на хи-хи. Я вдруг подумала, что если бы мне правительство наше поставило задачу войти в контакт с какой-нибудь инопланетной расой, то я бы постаралась, прежде всего, узнать о них как можно больше, изучить ещё до того, как делать первый шаг к знакомству. Как бы это выполнили вы? Я бы изучала общественное мнение, выражаемое, как в нашем случае, в фильмах, книгах и т.п. Чтобы понять, как настроены они по отношению к пришельцам. Так вот, а вдруг подобные книги попадались на глаза и тем самым инопланетянам, изучающим нас? Может, потому они и не выходят на контакт, что испугались: вдруг мы случайно их победим, случайно – потому что по-другому и быть не может, и заставим их делать с нами всё то, что в подобных книжках описано? Да... Я бы тоже улетела обратно домой.

А потом всё же сон меня сморил.

Глава 2. Цикл прошёл, а ПМС остался.

Если женщина и мужчина без конца ссорятся, значит, женщине всё-таки нужен конец.

Эмма.

Космонавтам женского пола, отправляемым в дальние и долгие полёты, проводят специальную гормональную терапию. Ничего страшного, просто от этих уколов цикл задерживается, и никаких тампонов и прокладок! С одной стороны, это прикольно, меньше неудобств. Но с другой, я же и сама себе мегеру напоминаю. Мне стыдно перед своей командой, только поделаться с собой ничего не могу.

По моей специализации пока никаких проблем, всё работает идеально. Я только ежедневно проверяю показания бортовых компьютеров. Да, собственно, и вся команда также. Особо заняться нечем. Летим уже третий месяц, надоело. Поправка: мне надоело. Причину я озвучила выше, но её усугубляет Фризмер со своими дурацкими пошлыми шуточками.

– Эй, секси-ёжик, – это он ко мне так обращается, т.к. волосы за три месяца уже немного отрасли и теперь смешно топорщатся на голове, – мне интересно, ты везде такая колкая?

– Закрой рот, придурок! – для меня и Марка это нормальное общение. Жаль, что наш корабль не похож на те, что так исправно показывает в своих фантазиях Голливуд. Места реально мало, и скрыться негде. Я бы сейчас с удовольствием удалилась бы в какой-нибудь пустой отсек, занялась бы своими проводами. Но приходится терпеть постоянное присутствие всех и бесит, что все слышат его шуточки. – У тебя, вроде, невеста есть? Обещаю, что после того, как вернёмся,

она тебя пошлёт.

– Не-а. Она от меня без ума!

В разговор вклинился Николай:

– Фризмер, не льсти себе. Твоя невеста без ума от статуса жениха-космонавта.

– Это ж моя неотъемлемая составляющая. Так что, значит, от меня.

– Как она тебя вообще терпит? – спрашиваю я.

– Просто, ёжик, никто не удовлетворяет её так, как я!

– Ник, он снова себе льстит?

– А почему ты у меня спрашиваешь? – удивляется последний.

Марк заржал.

– Ёжик, ты про нас с Ником плохо думаешь.

Тут не выдержал наш капитан:

– Напоминаю, что весь ваш бред исправно пишут бортовые компьютеры.

– Думаешь, они будут ревновать? – Марк переключился на Дэвида.

– Думаю, что несколько тысяч работников проекта на Земле устали от ваших перепалок. Им-то важно не кто кого достанет, а как проходит полёт.

– Брось, с ума можно сойти от скуки, если говорить только по протоколу. Ёжик, ты со мной согласна?

– Фризмер, я соглашусь с тобой только в одном случае: когда ты скажешь, что твой жизненный срок уже подошёл к

концу.

– Жестокая! Раудж, в твоей аптечке есть успокоительное? По-моему ёжику нужна доза.

Тут в Фризмера полетел эспандер. Запустила его я. Понимаю, что оснований для этого не было, не такие уж грязные его шутки. Только у меня нервы на пределе и чувство юмора осталось на Земле. Марк вытер кровь, выступившую из рассеченной брови, и уставился на меня.

– Ёжик, тебе если засадить надо, чтоб полегчало, так прямо мне и скажи. А то, как в детском саду: когда девочке нравится мальчик, она делает всё, чтоб окружающие о её чувствах не догадались.

Намёк мне не понравился.

– Фризмер, я сама тебе засажу, глядишь, и тебе полегчает, тогда и не будут неудовлетворённые желания прорываться...

– Эмма! За мной!

Войнс, похоже, не на шутку разозлился на нас с Марком. Но почему достанется мне? Потому что Марк сейчас якобы травмирован? Хорошо, наверное, что это последний мой полёт, иначе после такого поведения другой мне бы уже не светил. С этими мыслями я прошествовала за капитаном в соседний отсек. Он тоже махонький, но плюс в том, что можно задвинуть люк и, вроде как, уединились.

Оставшись со мной наедине, командир сначала испытующе на меня посмотрел. Неодобрительно так, нахмурившись. А потом как выдал:

– Знаешь, когда у моей жены начинало сносить крышу, по любым поводам, когда я видел, что она чересчур напряжена, нервная, у меня всегда был только один способ её успокоить и он работал безотказно.

– Какой?

– Я её целовал.

Да ну? А при чём тут я? Эти вопросы обязаны были читаться сейчас на моей мордашке.

– Хочешь, я тебя поцелую? – и смотрит на меня так, словно... Что, ждёшь, что я скажу «Да»?

Похоже, длительное воздержание негативно сказывается не только на Фризмере, но и на командире. А может, и на мне тоже? Да нет, у меня просто, не находящий выхода, ПМС.

– А что ж тогда разошлись?

– Нашёлся другой целователь.

– А-а-а... – а что ещё сказать?

Видимо, Войнс понял, что ответ будет отрицательным, поэтому добавил:

– Если поймёшь, что тебе это нужно, не стесняйся: просто скажи мне.

Я кивнула, про себя подумав: «Не дождёшься!» Войнс обогнул меня и открыл люк, – возвращаемся к остальному экипажу. Я за ним следом. Раудж уже оправдал своё пребывание на корабле, заклеив Марку рассечение. Тот, увидев меня, снова ехидно усмехнулся и, думаю, хотел выдать очередной свой перл, но капитан его предупредил:

– Марк, будешь продолжать в том же духе – получишь уже от меня. Только я быю сильнее Эммы.

– Ёжик...

– Ты меня слышал! – перебил его Дэвид.

– Я извиняюсь. – ой, что-то мне не верится, с такими глазами и улыбочкой не оставляют мыслей о реванше.

Дэвид Войнс кивнул и занял своё место. Я также уткнулась в компьютер. Молодец, мужик. Кремень!

Отныне, как только я ловила на себе взгляд Войнса, мне почему-то всегда казалось, что он ждёт, что я вот сейчас, прям, отзову его в сторонку и воспользуюсь его предложением. Конечно, на самом деле он вовсе не ждал этого ежеминутно, – я себя накручиваю. Фризмер немного попустился, хотя всё равно продолжал шептать мне на ушко свои пошлости. И я же понимаю, что это не потому, что я ему нравлюсь, а только от скуки. И это выводит. Почему? А почему за мой счёт этот нахал развлекается?

А ещё я стала всё чаще ловить себя на мысли, что неудовлетворённое желание таки имеет место быть. Не относительно кого-то конкретного, а сама лишь естественная потребность. Ну и что прикажете с этим делать? Вспомнилась космонавт, по-моему, это была Терешкова, после полёта которой наши учёные умы пришли к выводу, что как женщину к космическим полётам не готовь, а женскую нервную систе-

му подогнуть под «рамки» невозможно.

А так, в целом, всё было нормально. Мы с Ником и Рауджем развлекались картами. Капитан не участвовал, – ему не по статусу. Марк не единожды хотел присоединиться, но, натыкаясь на мой, вполне выражающий мысли, взгляд, предпочитал здоровьем не рисковать. До Марса ещё долго. О-ох! Скорей бы! Просто ради того, чтоб сменить обстановку.

Я как раз оставила Рауджа в дураках, когда нас сильно потрянуло. Мы переглянулись, но, поскольку больше ничего не произошло, и даже ни одна лампочка не замигала, продолжили своё занятие. Чаще всего проигрывал именно наш доктор – он до этой экспедиции даже и в руках карты не держал. Мы с Ником его научили. Войнс решил без внимания тряску не оставлять и запрашивал причины и состояние корабля у компьютера. На то он и главный! Марк наклонился тем временем к моему уху и прошептал:

– Ёжик, если нам суждено умереть, пожалуйста, исполни моё желание. – я вопросительно подняла бровь и посмотрела на этого... этого... Я, конечно, догадываюсь, что ничего умного от него не услышу. – Хочу умереть, находясь внутри мягкого женского тела!

– Фризмер! Ты будешь жить вечно!

Так просто этот наглец бы не успокоился, готова руку дать на отсечение, что у него был ответ на мою реплику и остался он невысказанным лишь потому, что громкое капитаново «Чёрт!» заставило нас всех вздрогнуть.

– В чём дело, Дэв? – Фризмер подошёл к главному компьютеру.

– Бред какой-то! – услышали мы трое, оставшиеся за картами. – Похоже, сбились все координаты местоположения. Эмма, ты мне нужна.

Я подскочила и через долю секунды была возле капитана. Действительно, на экране высвечивалась абракадабра вместо заданного ранее курса.

– Что скажешь?

– Буду разбираться, сэр. – вернулись к протокольным обращениям, всё-таки ситуация обязывает, и не стоит забывать, что в управлении всё пишется и потом засчитывается. Кстати, об управлении – пошлю им запрос.

Но не тут-то было, ситуация, как в песне: крикну, а в ответ тишина... Управление не отвечает. А почему? Потому, что запрос даже не уходит. Судя по тому, что показывают данные, мы сейчас не на пути к Красной планете, а в левой попе даже не Млечного Пути. Как такое может быть? Всё это видят и понимают и Марк с Войнсом.

– Эмма, твои предположения?

– Их нет, сэр.

– Разберись!

– Есть, сэр!

А как? Поломок нет, по крайней мере, так сообщает компьютер. Я же спец по проводам, но не навигатор. Марку тоже уже не смешно. Вместе мы пытаемся разобраться, где нахо-

димся, но «местность» явно не знакома не только нам, но и программам карт, загруженных в память корабля. Пока мы с Фризером пытались установить наше новое местоположение, корабль снова ощутимо тряхнуло. Ну, а потом как по-неслось! Пропала искусственная гравитация, и мы все начали парить, то и дело наталкиваясь друг на друга. Это ещё ничего, от пары шишек ещё никто не умирал, в конце концов, у нас есть док – залечит. Хуже, что Войнс увидел из иллюминатора какое-то огромное тело.

– Твою мать! Это что?

Мы четверо подгрести к капитану и, отталкивая друг друга, пытались увидеть то же, что и он. А там вдалеке видна планета! Не красная, нет! Жёлтая! Жёлто-коричневая, я бы сказала, если бы у меня не отняло дар речи. Но говорить не могла, т.к. нас явно затягивала её гравитация. Вы думаете, это чувствовалось по тому, что нас трясло, и мы быстро приближались к её поверхности? Нет! Мы это поняли, т.к. физику в школе все проходили. Состояние невесомости исчезло, рухнули на пол.

Марк матерился, Войнс пытался отправить наши новые данные о местоположении управлению – хоть будут знать, где мы пропали. Я кинулась к управлению корабля и всё, что реально понимала смогу сделать – смягчить посадку. От дока и Ника пользы никакой, они тут так, для проформы. От Марка, судя по всему, тоже. Вот на этом месте я поняла, что теперь мои навыки и пригодились бы, если бы было время

их применить: бортовой компьютер начал выдавать несурра-
зицу о том, что система жизнеобеспечения корабля вышла
из строя и подача кислорода постепенно уменьшается. Хочу
уметь материться, как Фризмер. Походу, сейчас это самый
полезный навык, хотя бы тем, что успокаивает. Нет, не успо-
каивает – отвлекает. Я сказала «постепенно»? Я соврала –
стремительно! Кислород заканчивался стремительно!

Пока мы метушились, наш док отключился. Вот так но-
мер, – и кто будет нас лечить и приводить в чувство? Во
время очередной встряски Ника сильно приложило головой
о металлическую стену – тоже вырубился. Войнс кинулся к
этим двоим, Марк что-то пытался у меня спросить, а может,
что-то сказать, но я не понимала. Мысли мои носились, ка-
залось, в пустой голове и бились в истерике о стенки чере-
пушки. Очевидно, две из них и закрыли правое и левое уш-
ные отверстия, потому слова Марка до меня и не доходили.

Клавиши меня не слушались, нет, опять не права – кла-
виши нажимались исправно, а вот программа сбрендила. Ей
что, для нормальной работы тоже нужен кислород? Разбира-
ясь с непослушным компьютером, я ничего и никого вокруг
не замечала, только внезапно меня схватили за шкуру и ку-
да-то поволокли. Краем глаза заметила, что это Войнс утас-
кивает меня из центрального помещения в сторону отделя-
емых автономных модулей.

– Сэр! Куда мы, сэр?

– Заткнись!

Оглянувшись назад, увидела, что и Марк в отключке лежит на кресле капитана. Последний же дотянул меня до модуля. Это наша спасательная шлюпка, так сказать. Можно назвать и по-другому. Суть одна. Собственно, у неё предназначение было таково, что на ней мы должны были, отстыковавшись от нашего корабля, достигнуть поверхности Марса и вернуться потом обратно. Модуль тоже большой – рассчитан на пятерых. Ход мыслей капитана мне ясен.

– Сэр! А как же они?

– Им уже не поможешь.

– Их нельзя оставить, мы должны забрать ребят с собой!

– Эмма! Пока ты находила общий язык с компьютером, ты не заметила, что они умерли.

– Что?

– Нику расколело голову. У Рауджа остановилось сердце. А Марк... – Войнс замолчал. Дышать всё труднее, соответственно, говорить тоже.

– Что?

– Эмма, залезай внутрь.

Я послушалась. Дэвид залез вместе со мной. Он сам взялся за управление, пока я приходила в себя от этой информации. Не заметила, как мы отсоединились от корабля. Меня вырубил.

Глава 3. Говорят, что даже, если вас съели, – не отчаивайтесь: у вас всё равно есть два выхода из ситу-

ации. Жаль, что это не мой случай, потому что я-то точно в жопе, а значит, и выход у меня только один.

Эмма

Когда я очнулась, то первое, что увидела сквозь лобовое стекло – прекрасное лазурно-голубое чистое небо. Тому, кто несколько месяцев видел только черноту из иллюминатора, дополнительных пояснений моей радости и восхищению давать не нужно. А потом я захотела приподняться, чтобы рассмотреть и другие краевиды. Но встать не получилось. Сделав первое движение, почувствовала, что меня что-то придавило. Вот сейчас я буду плакать! Это же Войнс! Он стоял коленями на полу возле моего кресла, а верхней частью тела лежал на моих бёдрах.

Дрожащими руками я осторожно приподняла его голову, надеясь, что он просто без сознания. Из носа командира текла кровь. Т.е. текла она раньше, а я лишь увидела подсохшую красную дорожку.

– Сэр! Сэр?! – никакой реакции.

Отстегнувшись, я аккуратно уложила Войнса на пол на спину, и постаралась нащупать пульс. Его не было. Не знаю, сколько я редела возле тела своего капитана, наверное, долго. Периодически я всё же пыталась сделать ему и массаж сердца, и искусственное дыхание, только всё это было совершенно бесполезным. И я это понимала – Войнс мёртв.

Зарёванная, я выглянула из окна. Лучше бы я этого не де-

лала! Сейчас больше всего мне казалось, что это я неудачница, а не те члены экипажа, которые уже погибли. Потому что вокруг, насколько хватало взгляда, был только жёлтый песок. Пустыня! А-а-а-а! Боженька! Почему? И ещё я заметила такое прозрачное движение воздуха, которое бывает над раскалёнными или очень горячими предметами.

Да, одно дело, когда в ведомстве при подготовке к полётам мы теоретически проходим различные ситуации, аварийные в том числе, и совсем другое, когда ты оказываешься в такой ж... одна. Рассчитывать не на кого, не с кем даже поговорить. Пусть они, мои товарищи, были бы в такой же прострации, но всё же было бы легче от осознания, что я не ОДНА!!!! Ещё немного порыдав над своей судьбой, пришла к выводу, что оставаться в одном модуле с трупом, пусть и уважаемого мною капитана, будет уж как-то совсем некомфортно, и начала проверять состояние модуля. И-и-и, бам-с, он умер такой же смертью храбрых. Ничего не работает. Не включается. Питания нет. Как ещё описать? На ум приходит только одно слово, – оно уже написано выше. Очень мне наш модуль теперь напоминал детскую пластмассовую машинку: красивая штука, но годится лишь для того, чтобы посидеть внутри.

Зато я достала небольшой «марсоход 2027» – он вместе с нами должен был совершать прогулки по поверхности Марса и собирать образцы пород и всего, что сможет найти. Этот работал. Хоть что-то. Меня посетила здравая мысль, не совсем во мне ещё умер космонавт, что прежде, чем выходить

наружу самой, нужно выпустить эту зверушку, дабы она собрала показания атмосферы планеты. Должна же я знать, чем для меня будет чревато это гостеприимство. Да, кстати, теперь этот аппаратик и заменит мне спутника, домашнюю зверушку и помощника. С ним я даже буду разговаривать! Пусть он меня и не слышит, но для меня он теперь тамагочи. Или Фёрби. Ввела задание в программу, и выпустила на волю. Ненадолго.

Пока мой тамагочи кружил вокруг модуля и собирал данные, я провела ревизию модуля. Собственно, я и так знала, что внутри находится достаточный запас воды и еды на пятерых. Если смогу выбраться, он мне пригодится. Через час тамагочи вернулся. Согласно полученным данным, кислород в атмосфере имеется, остальные газы сродни нашим, т.е. такие же, отклонения в процентах незначительны. Фух, дышать можно.

Ну что, совершить, что ли, первую вылазку? На всякий случай я всё же залезла в костюм для выхода наружу, одела на спину баллон с воздухом, и открыла люк. Ноги стали на сыпучий песок. Шаг, второй, третий. Осторожно снимаю шлем. Бог мой! Я дышу! Воздух невероятно горячий, сухой, но это воздух! Я подобно своей железной зверушке обошла вокруг модуля. Ничего интересного: песок, песок, песок. И что это на песке? Вашу ...! Ах да, – ещё Солнце! Огромное, белое, оно находилось уже ближе к горизонту, и значит, скоро наступит ночь. Я сняла перчатку и потрогала песок ру-

кой – сыпучий, горячий, совсем как наш. Мелькнула сумасшедшая мысль, но сразу сдулась: я же видела поверхность этой планеты из иллюминатора – это точно не Земля. А-а-а-а! Вся та половина, которую мы с командой наблюдали с орбиты, была по цвету такая, лишь с редкими вкраплениями других цветов. А-а-а! Я тут одна, никто разумный не сможет тут жить.

Вернулась в модуль я расстроенная ещё больше, чем до выхода. Что делать? Сидеть тут и умереть медленной мучительной смертью, когда закончатся все запасы? Папа мне всегда говорил: никогда не сдавайся! Папа! А ты был хоть раз в моей ситуации? Пока я занималась нитьём, стемнело. Ночь так себе – не крошечная тьма, потому что на небосклоне вышло раз, два, три, четыре..., восемь, девять лун. Ох, ты ж! Красиво, да.

Войнс всё также лежал на полу. Решила, что утром я похороню его. Конечно, никто бы и не узнал, брось я его прямо в модуле, чтоб не тратить силы, но как-то это не по-человечески. Поела. Попила. Заснула. Рядом с капитаном. Да, я, представьте, улеглась рядом с ним – его не боюсь, он мне не чужой.

Когда наступило утро, первым делом я взялась за организацию похорон. Решила, что позавтракаю после, иначе меня может просто вывернуть от эмоций. Но, как оказалось, что закопав Войнса как можно глубже в песок, есть я не смогу ещё долго. Кусок в горло не лезет. Вот вы думаете, навер-

ное, что все мои мысли о еде в такой момент, – вы не правы. Скорбь за капитаном, за Землёй, даже за Фризмером... Если бы этим я могла что-то изменить, Фризмер, я бы тебе дала. Честно.

Так и не съев ничего, я загрузила свой марсоход по максимуму, словно выючное животное. Себе на спину тоже надела рюкзак с провиантом и, кинув последний прощальный взгляд на остатки земного, пошла вперёд.

Иду я, значит, иду, иду, иду... Долго. Потом наступила ночь. Не холодная. Спать на песке ни хрена не удобно. Подстилать нечего. Опёрлась спиной о железного друга. Проснулась утром. И опять: иду я, значит, иду, иду, иду... Ночь. Не холодная. Плевать на песок – на тамагочи ещё неудобнее. Утро. Начинаю идти. Иду. Иду. Иду. Ночь. Не холодная. На всё плевать. Хочу сдохнуть. Не сдохну всем назло. Опять утро. Я иду. Иду. Марсоход, хрипя и изрыгая свои неорганические проклятия, медленно и тяжело катится рядом. Мы с ним не разговариваем. Вчера поссорились. Потому что я терпеть не могу, когда я к кому-то обращаюсь, а он делает вид, что не слышит меня. Я схожу с ума? Возможно. Но иду. Ах, да! Забыла сказать, что в эту дорогу я не одела комбинезон космонавта. Мы ж, когда ещё на корабле вся эта хрень приключилась, были в свободной одежде. И сейчас на мне штаны со множеством карманов и водолазка с длинным рукавом. Горлышко, которое воротник стоечкой, я оторвала от неё уже на второй день пути: жарко и дышать трудно. Рукава

оставила, чтоб не сгорели руки. На ногах только наша специальная обувь. Комбинезон, в котором я совершила свой первый выход из модуля, в нём же и остался – слишком жарко для такого облачения. Я и так уже воняю, как... да, как та пленница из книги про война сердца. Где ж ты мой инопланетянин? Я согласна, чтоб ты меня лиз... Хоть так помоюсь.

Дура я. Но иду. Иду. Марсоход сдох. Я б его попыталась воскресить, но для того, чтобы это сделать, нужны инструменты. Как минимум, отвёртка. А у меня только ногти под рукой. Свои, их жалко. Вечно у нас, у землян, всё через одно место сделано. Я вообще поражаюсь, как наш корабль взлетел и оторвался от Земли? Этот тамагочи должен был служить нам долго и преданно, а он сдулся раньше меня. Ладно, буду идти одна, всё равно он со мной общаться не хотел. Ночь. Не холодно. Опирается не на кого, так что сплю опять на песке. Всё равно не сдохну! По крайней мере, не сегодня. Всё, сплю.

Утро. Не дождётесь! Иду. Вода на исходе. Без воды и есть не хочется. Нафиг я вообще тащу на себе этот груз, если мне жить осталось... А кто это там?

Не знаю, откуда во мне взялись дополнительные силы, но я побежала, насколько это вообще возможно в таких условиях. Мне показалось, что я кого-то увидела впереди. Или что-то? Не важно, сейчас главным для меня было то, что это выделялось на однообразном фоне жёлтого песка. Бегу. Бегу. Бегу. Твою мать, падаю. Тащу за собой этот долбаный

рюкзак. Бегу. Иду. Иду. Подбегаю, и что я вижу? Он сидит и медитирует!

Я прыгаю вокруг него! Смеюсь! Плачу! Трогаю его! Плачу! Тормошу! Он не реагирует. Сильнее тормошу. За космы его хватаю. Не реагирует. Пощёчину залепила. Открыл глаза и снова их закрыл. Он глянул на меня! Глянул! Почему опять закрыл глаза?

– Эй! Человек! Инопланетянин! Как там тебя! У меня вода есть! Эй! Хочешь, покормлю? Эй!

Бесполезно: он в очень глубокой медитации. Что ж, прияду рядышком, – всё равно никуда не спешу. Пока создание неведомой планеты изучало глубины своего внутреннего мира, я сделала глоток воды, прополоскав сначала рот, чтоб пить меньше хотелось, и начала его рассматривать. Поза именно лотоса. Значит, всё-таки медитирует. Слушайте, а чего я буду париться и описывать вам его внешний вид? С современными технологиями возможно почти всё! Я вам его покажу:



Ой! Не то! Вот:



Ой, снова не то! Это мне просто слёзы счастья глаза застлали и вид передо мной сидящего вышел таким смазан-

ным. Вот он какой:



Да, не перекачанный – перекачанных не люблю. Волосы длинные, нежного сиреневого оттенка. Интересно, он их красит или от природы такой красотой наделён? Глаза... А зачем я всё-таки описываю? Сами ж всё видите!

Смотрю я на него, смотрю и радуюсь. Мне всё равно, сколько он будет молчать, – главное, чтоб дышал.

Глава 4. Ты веришь в любовь с первого взгляда? Ну, посмотри же на меня ещё раз!!!

Ищу молодого человека, с которым познакомилась на вечеринке. Ты мне больно на ногу наступил, я тебе сказала: «Слон, под ноги смотри!». Ты ответил: «Сама

дурра!» Э-э-эй, любимый, отзовись!

Ашмернот вовсе не чувствовал усталости. Лишь злость. Возможно, раздражение. Возможно, даже ненависть. На всех и вся. За то, что ему определили время отправиться на Половину Становления как раз тогда, когда он уже почти совершил переворот. И тогда, если бы, конечно, всё получилось, плевать бы он хотел на все эти идиотские правила и традиции. Они стремятся к миру и спокойствию, его же это просто бесит. Да, Ашмернот вовсе не положительный герой девичьих грёз. Это сильная неугомонная личность, подчас беспринципная, чаще жестокая, чем снисходительная. Он находит удовольствие в войне. Как минимум, убивать и захватывать не так скучно, как сочинять в застенках Ратуши Блага очередную чушь для всеобщего процветания.

Но ему пришлось покорно отправиться в эту забытую Небом пустыню, чтобы доказать, что он – один из достойных. Возможно, думал он теперь, так даже лучше. Его видения мира эти несколько лет не поменяли, зато ни у кого не будет оснований оспаривать, что своё место во главе народа Сильных он займёт по праву. Пока – во главе Сильных. Это первым делом. В обход старших братьев. Ашмернот надеялся (ха-ха, ирония), они против не будут. Затем подчинить себе всё.

Осталось только понять, какой урок поставил перед ним отец и действующий Правитель. Мужество? Сила? Он и так

своими захватническими вылазками неоднократно доказал, что этими качествами наделён в большей степени, чем кто-либо из семьи. Умение предвидеть развитие событий? Тоже доказано. Тогда почему именно его отправили сюда в возрасте более раннем, чем кого бы то ни было? Что сможет вернуться, Аш даже не сомневался. Смешно с их стороны было думать, будто одиночество в этой жаркой пустоте сломит его или убьёт. Жаль только времени. Но правил теперь нарушать нельзя, иначе власти не видать. Третий год он идёт по безжизненной земле, похоронившей столь многих, каждый день отстаивает своё право на жизнь и правление. И только один вопрос так и не поддался ему: какой урок?

Но время ещё есть. Сколько? У всех по-разному. Но меньше, чем за три года, никто ещё эту половину не проходил.

И что ещё это за хрень метушится перед ним? До сих пор всё было сложно, тяжело, но обычно и предсказуемо. Никто и никогда не рассказывал ничего о том, как понял, в чём именно состоял главный урок. Всё, что имели право сообщать вернувшиеся, – как смогли выжить здесь. Но стоило только спросить, что послужило подсказкой, – замолкали и больше ты ничего не сможешь из них вытянуть. За многие дни одиночества и борьбы Аш неоднократно был на грани смерти. Например, когда впервые столкнулся с тварью, которую про себя назвал кротом. Эта мерзость обитала глубоко под землёй, реже встречалась там, где много песка, и была размером с невысокое дерево, правда, деревья Ашу нрави-

лись больше. Первая встреча оставила на его плече грубый шрам, а ещё воспоминания о злости, когда думал, что руку придётся отсечь. Зато теперь он знает, как достать воду. Да всего лишь найти и вытащить одну из этих тварей, вспороть ей брюхо и вырвать пузырь, в который она собирает драгоценную жидкость.

Но это что? Он точно знал, что, пока предыдущий не возвращался, никого не отправляли, по крайней мере, не раньше, чем пройдут пять лет. Считалось, что этого достаточно, чтобы вернуться. Не успел – значит, мёртв. Не так уж много желающих было осилить такой марафон в одиночку. И только сыновей Правителей никто не спрашивал: они обязаны были идти только в силу того, что их отец через это прошёл.

За то, что это нечто дёргало его за волосы, прикасалось к нему грязными руками без спроса, и непонятно лепетало что-то, одновременно обдавая не самым свежим дыханием, хотелось, как минимум, обезглавить. Но в том и счастье этого нечто, что Аш – не вспыльчив, а то, что опасности ему это нечто не несёт, он понял за тот единственный миг, на который приоткрыл глаза. Успокоилось. Но не уходит. Подсказка? Возможно. Поэтому Ашмернот решил оставить это существо в живых. Изучить и обдумать, как оно связано с уроком.

Эмма

В то мгновение, когда инопланетянин приоткрыл глаза,

я в них влюбилась. Шутка. Нет, глаза у него красивые, собственно, как и весь он. Проблема в том, что они необычные. Такие ночью приснятся, – останешься зайкой на всю жизнь. Полностью чёрные и без зрачков. Сплошной мрак. У нас давно уже некоторые чудики заливают себе в белок глаз чернила, чтобы походить на героев общеизвестных фэнтези-историй. Только одно дело видеть их на экране телевизора в очередном шоу, и другое – на чужой планете, зная, что ты одна и на помощь тебе никто не придёт. Это, если он захочет съесть. Но, возможно, он вполне мирный вегетарианец? А что до глаз... кто знает, какой тюнинг у них тут нынче в моде?

Медитировал мой новый знакомец или, правильнее, незнакомец, довольно долго. За это время я устала сидеть без дела, а мысли, роившиеся в голове, были одна другой хуже. Успокаивало лишь то, что если бы он был каннибалом, уже бы растерзал.

Интересно, он бедуин, кочующий по пустыне? Тогда где его соплеменники? Или такой же неудачник, как и я?

– Дих сватарог манупуэр конбинитсомор.

– Э-э-э, я не поняла, это вопрос был?

Незнакомец сидел в той же позе, внешне абсолютно спокойный, значит, можно не вскакивать и не кидаться прочь. И смотрел на меня. Он смотрел на меня этими своими чёрными озёрами (умер во мне поэт), в ожидании ответа. Совершенно очевидно, что взаимопонимания между нами нет. Но я решила с честью выйти из довольно сложной ситуации,

когда нужно не посрамить весь род человеческий перед лицом новой и, возможно, высокоразвитой, цивилизации.

– Эмма. Эм-ма. – с самым серьёзным видом произнесла я своё имя, дотронувшись до области сердца. Затем, как и полагается в таких случаях, указала рукой на него. Мол, Ваша очередь, сударь.

– Дих сватарог манупуэр конбинитсомор. – если это его имя, во что мне слабо верится, ибо кто ж так добровольно поиздевается над своим ребёнком, то дела наши плохи.

Я ещё раз повторила:

– Эмма.

– Ашмернот Кортовизурасиш Тимщалабейротугноц.

Оу, это что-то новенькое.

– Ажратбуловичаротдармоновосовиог? – ну, простите, как смогла!

Реакцией на его имя, произнесённое моими устами, была всё та же спокойная мина.

– Ашмернот Кортовизурасиш Тимщалабейротугноц. – незнакомец повторил свою фразу, и я точно теперь поняла, что именно так его и называют друзья. Потому что он дотронулся, подобно мне, рукой к своему сердцу, а затем протянул её по направлению ко мне и приподнял, выжидающе так, бровь.

– Э-э-э, Эмма Заустовская. Можно Эмма Валерьевна. Можно просто Эмма.

Да, ошибка: слишком много я сейчас произнесла слов. Он

вряд ли поймёт, что моё имя гораздо короче. Так, начнём с начала.

– Эмма. – и жест, соответствующий ситуации.

– Ашмернот Кортовизурашиш Тимщалабейротугноц.

– Понятно, будешь просто Тим. Прости, если коверкаю, но это всё, что я запомнила. Итак: Эмма – и снова движение руки в направлении мужчины – Тим.

Небольшое отступление: я надеюсь, что это всё-таки мужчина. Ну, просто, поскольку он явно гуманоидного типа, то вполне соответствует гендерному типу самца. И вообще, рюкзак тяжёлый, переложить сию ношу на плечи женщины мне было бы неловко, а мужчинам – сам Бог велел облегчать нашу жизнь. К тому же, мужчинам проще охотиться – это у них в крови. Ну, и так далее по списку.

– Диштразерно пишварест Тим. Ашмернот Кортовизурашиш Тимщалабейротугноц.

– Послушай, – произнесла я, облизывая и покусывая нижнюю губу. Для моих сопланетян, т.е. землян, такое покусывание означало бы, что я раздумываю, как лучше ему что-то объяснить. Надеюсь, невербальное общение у них тут в ходу. – Мне сложно так вот с ходу выговорить правильно твоё имя. Поэтому пока будешь Тим. Смотри, как просто и удобно: Эмма – Тим. Заценил?

– Пишдиварест могопритцузса виахре питсмирап. – возможно, пробелы я поставила зря. Возможно, не в тех местах.

Я вдруг поняла, что нужно сменить тему. Т.е. переключо-

читать его с имён на что-нибудь другое. Посему, открыла свой рюкзак и начала хвастаться ему своими припасами.

– Так, Тим, смотри, что у меня тут есть: батончики! Их у нас сначала хотели изъять, мол, от них пить слишком сильно хочется, а где на пустынном Марсе воду брать. Но мы отвоёвали. Вкуснятина! На, попробуй.

Я протянула Тиму «Сникерс». Он не взял. М-м-м, ладно, попробуем по-другому. Достала ещё один такой же, открыла упаковку, и с выражением абсолютного блаженства на лице принялась жевать. Снова протянула такой же Тиму. В этот раз взял, обсмотрел со всех сторон, но не раскрыл. Вернул его в мой рюкзак.

– Значит, не голоден. Правильно я тебя поняла? Тогда смотри, у меня ещё вода есть, – и я протянула ему флягу с водой. Правда, сначала я долила туда из бутылки, тоже выуженной из недр рюкзака.

Тим снял со своего пояса свою флягу, больше похожую на мягкий кожаный мешок, развязал, налил немного мутной водицы на ладонь, обтёр ею лицо, а затем отпил глоток из своей ёмкости. Гордый, значит.

– Тим, пойми, мне не жалко делиться с тобой своими запасами. Ты не поверишь, но я настолько рада тебя встретить, что, пожалуй, отдала бы тебе даже свой последний глоток. Просто понимаешь, так страшно умереть в одиночестве... – ой, что-то меня не туда повело.

О чём бы мне ещё с тобой поговорить? Особенно, если

учесть, что ты ни фи́га не понимаешь. О, так может, оно и здорово? Можно говорить всё, что наболело, и при этом не прослыть невежливой.

– Тим, скажи мне, а что мы теперь с тобой будем делать, а? Мы же не можем всё время тут сидеть и любоваться друг другом. Когда-нибудь еда и вода у нас закончатся, ты знаешь, как тут добыть новые? Слушай, а может ты в курсе местной географии? – я пальцем на песке нарисовала круглую планету и поставила крестик, обозначив наше местоположение. Весьма условно, конечно, ибо чёрт знает, в какой именно точке планеты мы находимся, но, надеюсь, он меня поймёт.

– Э-э-э...

– Эмма, – поправила я его.

– Э-э-эйгороменадорм коффрипучавстрик.

– А, а я-то подумала, ты имя моё забыл. Так что скажешь, Тим, что дальше делать будем?

Мужчина резко поднялся на ноги и, (тут что, так принято?) даже не предложив мне знаками следовать за ним, пошёл в ту сторону, откуда я как раз пришла.

– Тим, – кричала я, бежа, нет, бегя, нет – на бегу, – Тим, ты выбрал неверное направление. Поверь мне, я знаю. Там только пустыня, песок, и ничего больше. Есть ещё мой модуль и труп Войнса, но Войнс уже очень глубоко, а модуль даже я не починю: там топливо вылилось на песок и теперь это просто обычная, хоть и большая, консервная банка.

Фух, наконец-то я с ним поравнялась.

– Тим, ты не мог бы идти помедленнее, я не успеваю за тобой.

Он лишь искоса взглянул на меня, при этом, скорее всего, подумал, что говорить мне что-либо бесполезно: всё равно ничего не пойму, и пошёл дальше. Я же, хрипя от жары, мало того, что еле двигалась сама в таком темпе, так ещё и тащила рюкзак. А и в самом деле, я ж не одна буду это всё есть! Сегодня он гордый, а завтра у него вода закончится, еды я у него не наблюдаю вообще никакой, так что пусть тоже тащит. С этими мыслями я схватила его за руку и, развернув к себе, всучила рюкзак. Сама же пошла в выбранном им направлении уже налегке. Но не долго я отдыхала, т.к. Тим снова опередил меня и, что хуже всего – без рюкзака. Я в это не верю! Как можно быть таким... таким... глупым? Там же то, без чего мы скоро умрём! Я развернулась – и в самом деле, мой рюкзак остался брошенным позади нас.

– Ти-ии-им! – закричала я в полную силу. Он остановился, обернулся, усмехнулся и ждёт. – Чего ждёшь? – спрашиваю я, плетясь к рюкзаку. Взяла, дотянула до всё ещё ожидающего Тима, и снова всучила ему.

– Неси! Нам без этого никак!

Он молча бросил его на песок. Даже не глянул вниз, всё также смотрит лишь мне в глаза.

– Ты издеваешься?

Молчит. Затем разворачивается, и идёт дальше. Я тоже

гордостью не обделена, но здравый рассудок всё же взял верх. Конечно, хотелось сделать вид, что мне до лампочки его выברי, и пусть потом сам локти кусает, когда проголодается, только вот, я же тоже проголодаюсь, и тогда уже мне будет не до уязвлённого самолюбия. Всё также, еле поспевая за Тимом, я пыталась объяснить ему, что из нас двоих мужчина именно он, а значит, ему и полагается носить тяжести.

Он делал вид, что он – мой тамагочи. Вот именно из-за этого я с последним и поссорилась. Я коварно усмехнулась: кто со мною в ссоре, тот долго не живёт! И «марсоход-2027» лишнее тому подтверждение. Не люблю говорить в пустоту!

– Тим! – в очередной раз я остановила нового знакомого. – Понимаю, что я не девушка твоей мечты, иначе ты бы совершенно точно постарался произвести на меня впечатление и не заставил бы нести эту тяжесть, но пожалуйста, – у меня уже просто нет сил!

Я одела свой рюкзак ему на спину, как и полагается носить такие сумки. Тим не сопротивлялся, только наблюдал и позволял себя навьючивать. Когда я закончила и довольно кивнула, молча сбросил его снова на песок. И пошёл. Всё! На этом я остановилась. Поняла, что манипулировать им пока я не научилась, соответственно, закинула ношу на спину и, не молча, нет, пошла рядом.

– Все вы мужики одинаковые! Что тут, что там. Вам бы только на шею нам, женщинам, усесться и ножки свесить. Мы вокруг вас должны крутиться, суетиться, быть всегда в

лучшем виде, чтобы ваше тонкое чувство прекрасного не поранить... А как помочь нам, так в кусты! Вот именно из-за этого так много женщин и сочиняют фантастические романы о пришельцах, эльфах и всяких там героях, потому что от вас не добьешься ни помощи, ни понимания. Так вот, вернусь, обязательно им всем расскажу, что инопланетяне, – такие же м... м... мужики, одним словом. И всё, на том и прекратит своё существование прекрасный жанр! Мало того, что ты не хочешь меня услышать, что в ту сторону идти не следует, так ты ещё и лентяй. Неженка. Вот попросишь ты у меня попить. Хрен я тебе дам, а не водички.

Тут я споткнулась и упала. Он заметил, но даже руку не подал. Так и шёл вперёд, бросив на меня пару раз взгляд через плечо: иду я там или нет. Я расплакалась. Обидно! Такой красивый снаружи и такой... внутри. Не буду его догонять. Вот не буду. Смысл? Отдохну немного, и снова пойду в ту сторону, куда шла до этой судьбоносной встречи. Сейчас, только поплачу ещё немножко...

Солнце тем временем клонилось к горизонту, и по опыту я уже знала, что осталось всего пару часов до ночи. А может, догнать? Как раз к ночи и успею. Вон уже, только маленькой фигуркой виднеется впереди, так чкурнул. Неужели я такая страшная? Мама говорила, что зря я наголо подстриглась, но я ж как лучше хотела: чтобы в экспедиции не заморачиваться. Интересно, как их женщины выглядят? По идее, женский пол всегда прекраснее мужского. Бывают и исключения, но

в целом и общем... И, если у них тут такие красивые самцы, то тогда, наверное, я их самкам и в подмётки не гожусь?

Я вытерла слёзы и поспешила за Тимом. Вдвоём, всё же, лучше. Не в той я ситуации, чтобы так глупо терять столь полезное знакомство.

Когда я его догнала, Тим уже сделал привал. Он сидел в той же позе лотоса, но уже с открытыми глазами, и смотрел, как я, опустив голову, подхожу. Скинула рюкзак, опустилась напротив. Смотрю на него, и не знаю что сказать. Потому что говорить совсем не хочется. Достала воду, отпила. Как и он раньше, одной горстью обтёрла лицо и шею. Протянула Тиму сухпаёк, предварительно показав, как его распаковывать и есть. Но он снова не проявил интереса. Он что, вообще не питается? Посмотрев, как я ем свой ужин, он улёгся на спину и, закинув руки за голову, закрыл глаза. Интересно, храпит ночью?

Я улеглась рядом, ещё немного ближе подвинувшись к нему. Ночи тут не холодные, но чувство одиночества за несколько всего дней пробрало меня так, что просто хочется чувствовать рядом любое живое тепло. Я заметила уже, что на поясе у мужчины были короткий нож и длинный. Если бы этому длинному добавить несколько сантиметров, сошёл бы за меч. Тихонько протянув руку, я коснулась длинного ножа. Провела по нему рукой. Острый. Как и всё здесь, тёплый. Вдруг Тим схватил мою руку и откинул прочь.

Что ж, я перевернулась на другой бок, к нему спиной, и

вздохнула: всё равно ты от меня не отделаешься, потому, что мне страшно самой.

Ночь означает прохладу. Хоть не большую, но тело Ашмернота она остудит. Однако, было бы в корне неверно утверждать, будто жара действовала на мужчину изматывающе. Да трудно, да, мало воды, да, он не ел уже несколько дней. Но такие мелочи не могли повлиять на его настроение. Иначе, что за Правитель он бы стал, если бы раскис в таких условиях?

Гораздо больше его напрягало существо, встреченное сегодня. Если в момент встречи он задавался вопросом: «в чём подсказка?», то к ночи вопрос поменялся на «в чём подвох?» Аш вынужден был признать, что это нечто его раздражало. Всего за несколько часов оно умудрилось удивить его своей тупостью несколько раз. Первый, когда болтало без умолку, и тем самым растрчивало свои силы, хотя явно отдавало себе отчёт в том, что его не понимают. Второй, когда не оставляло попыток заставить Аша нести бесполезную тяжёлую сумку, нагруженную непонятно чем. Будучи воином, привыкшим к самым непредсказуемым опасностям и ситуациям, Аш отлично усвоил, что всё, что мешает, может стать глупой причиной смерти. Ему не мешали только он сам, клинки и фляга с водой. Одна фляга, а не несколько, висящих тяжким грузом на спине. Зачем? Если в тот момент, когда закончится

вода, можно просто добыть новую и не отнимать у себя самого силы? Третий, когда оступившись, существо просидело довольно долго, вместо того, чтобы потратить это время с пользой продвижения вперёд.

К ночи Ашмернот так и не смог понять, как это нечто подтолкнёт его к озарению. Жалость? Да, он был согласен, что вид у женщины, а скорее всего, нечто всё-таки относилось к женскому полу, был на грани отчаяния. Действительно жалкое зрелище. Но разве жалость для Правителя главное качество? Нет, однозначно. Это только делает мягкотелым, не способным принимать верные решения. Скорее всего, ответ – терпение. Вполне в духе отца. Видя, что сын стремится к правлению через головы живых родственников, отец мог поставить именно такой урок – научиться терпению. Аш решил взять эту мысль на заметку, хотя и имел немалую долю сомнений в верности ответа. Слишком это просто, казалось ему.

Он решил позволить этому существу ещё немного побыть рядом, чтобы увериться в том, что урок – терпение, либо, чтобы опровергнуть эту мысль. Он даже пошёл на уступки, замедлив шаг, чтобы женщина смогла его догнать. Даже более, он мог идти ещё несколько часов, но остановился, дабы она восстановила силы. Тут Ашмернота посетила ещё одна догадка: помогать слабым? Нет, откинул он её. Слишком близко к терпению и к тому же, слабость её обманчива. Это он понимал совершенно точно. Здесь нет никого, кроме него

самого, различных безмозглых тварей и Оставшихся. А они, в свою очередь, уже просто не могут быть слабыми – их нет, есть только напоминание. Напоминание может мешать, может помогать, может сбивать с толку, но оно не может быть слабым, потому что его уже нет. Весь вопрос в том, сможешь ли ты сделать так, чтобы один из Оставшихся захотел тебе помочь? Она – напоминание. Она – Оставшаяся, значит, всё это лишь игра.

Ему нужно сделать вид, что он играет, т.е. продолжать делать то, что он делает, одновременно позволяя Оставшейся находиться рядом. Путь ещё длинный и, возможно, за то время, пока Оставшаяся не раздумает крутиться возле него, новые догадки придут.

Глава 5. С чего обычно всё начинается и в жизни и в романах? Думаете, с внезапно вспыхнувшей любви? С обоюдной ненависти, от которой один шаг? НЕТ! С того, что как женщинам иногда нужно крепкое мужское плечо, так и мужчинам иногда нужна упругая женская сиська.

Эмма

Я и не думала, что проснувшись, застаю Тима за каким-нибудь другим занятием, кроме медитации. Как он ещё не левитирует? Но радуется уже то, что без меня не ушёл, подо-

ждал. Значит, привыкает. Ещё немного и с рук начнёт есть.

Как только он заметил, что я уже встала, тоже поднялся и, что-то буркнув на своём сложном языке, головой кивнул вдаль. Сие должно было означать: пора выдвигаться.

– Тим, знаешь, как Кутузов говорил? Или это был Суворов? Чёрт, стыдно, но не перед тобой, – перед тобой я опозориться не смогу, т.к. ты ещё меньше меня в курсе истории. Так вот, он говорил: «Война – войной, а обед по расписанию». В нашем случае завтрак.

Пока я посвящала его в философию наших славных полководцев, успела умыться одной рукой и двумя каплями воды, а также прополоскать рот. Достала хлебцы, как и всё прочее, надёжно упакованные в столь крепкий супер-пупер материал. Поскольку их действительно сложно было извлечь, не раскрошив, из упаковки, совесть не стала ржать над моими гримасами и попытками получить помощь от Тима. Приблизившись к нему, я взяла одну его руку и медленно и аккуратно вложила в неё упаковку.

– Тим, – самое главное, создать на лице правильное просящее выражение. Это всегда работает с мужским полом. Не думаю, что этот самец исключение. – Тим, помоги, а?

И прямо на объекте показала ему, что у меня не получается разорвать упаковку. Он справился за секунду.

– Спасибо! – улыбнулась ему.

Откусив от одного хлебца, ещё один протянула мужчине. Он качнул отрицательно головой. Тогда я отломила от свое-

го небольшой кусочек и снова с просящей миной поднесла к его губам. Вплотную, так, чтобы губы его смогли ощутить эту славную сухую шероховатость пузырястой смеси муки различных зерновых с солью и водой. Тим очень внимательно на меня смотрел и решился. Попробовал. Лишь тот один маленький, который я прижала к его губам. М-м-м, у него ничего так губы. Но, дело-то не в них: сами по себе его губы являются ничем не примечательной частью лица. Но вместе со всем остальным лицом... м-м-м, у него ничего так губы.

Но от целого, протянутого ему хлебца, отказался.

Идём. Ем на ходу. Потому что Тим не ждёт. Этот мужчина ждать не умеет. Этот мужчина не умеет ходить медленно. Этот мужчина не понимает, что мне тяжело, хотя нет, уже не тяжело – просто обидно тащить рюкзак с нашей общей... хм, моей едой. Этот мужчина не любит разговаривать. И он не знает слова «привал».

– Ы-ы-ы, Ти-и-им. Давай отдохнём! – хрипела я.

А теперь продолжу список: этот мужчина не знает усталости. И он не понимает, что не все сделаны из того же теста, что и он. У этого мужчины каменное сердце, иначе, глядя на меня, он бы уже сжалился и остановился хоть на полчаса. Этот мужчина не пьёт...

– А-а-а-а! А-а-а-а! Тим, что ты делаешь? Брось это немедленно, Тим! А-а-а-а! Что за тварь? Да зачем же ты её преследуешь? А-а-а, Тим, спаси меня! А-а-а, Тим, вернись ко мне! О Боже, Тим, зачем? Зачем ты её мучаешь? Убей её! Слы-

шишь? Убей эту тварь немедленно. А-а-а, как ты можешь? Тебе мало её смерти? А-а-а, только не говори мне, что ты это ешь! Пьёшь? А-а-а-о-о-бр-бр-э-э-э... – на этом я замолчала, так как изрыгать содержимое желудка и одновременно говорить сложно даже мне.

Плохо. Мне плохо. Увидеть такое... Мало того, что я испугалась вылезшей из песка твари, которая, между прочим, не проявляла признаков агрессии, пока Тим на неё не кинулся, так теперь ещё я узнала, как тут добывают воду. Буду экономить. Свою. Тиму свою чистую, земную больше не предложу. Пока приходила в себя, инопланетянин отрезал кусок... мяса(?) и так и съел его сырым. Что ж, на вкус и цвет..., сухпайки только мои.

Песок, кстати, отличное мыло. Подобно нашим бабушкам, шкрябавшим им свои кастрюльки, Тим отёр песком все следы преступления со своих рук и тела. Идём. Идём. Он в основном молчит, за весь день только пару раз мне что-то буркнул. Так что, пока вам остаётся наслаждаться не диалогами, а моими умозаклечениями.

Не буду скрывать, меня поразила его скорость реакции и то, как легко он разделался с не маленькой тварью. С таким не пропадёшь. Ещё одна галочка в столбике «почему мне нужно его держаться». Сам он, судя по всему, вовсе не против моей компании. По крайней мере, не прогоняет, на меня не шипит, убить не хочет, – значит, точно не против. Даже проявил некоторую галантность, предложив мне отведать

мяса. Я, конечно, из скромности, отказалась. Есть не хочется. После увиденного... Есть всё равно хочется. Но не могу, нет, не могу. Во-первых, свежи воспоминания, во-вторых, на ходу неудобно.

Пока мы молча шли, я бесстыдно рассматривала попутчика, – пейзаж-то вокруг не очень. Внешние данные индивида заставляли активно работать мои слюнные железы, даже не смотря на пересохший рот. Это пока он лицом ко мне не поворачивался. Потому что на лице эти чёрные глаза... Портят всю картину. Но поворачивался ко мне он редко. Не знаю, это плюс или минус. Вот, вроде бы, он не гонит меня, но и одновременно ведёт себя так, словно ему всё равно – есть я рядом или нет. Умерла я уже от жары или плетусь ещё за ним. Пока мы молчим, я размышляла над целью нашего путешествия. Пардон, его путешествия. Идёт он целенаправленно, что заставляет думать, что эта пустыня вовсе не дом его родной. Значит, где-то есть более пригодная для жизни территория, на которой я столкнусь с подобными ему людьми. Как мне с ними общаться? Учить меня языку Тим не намерен.

Хоть бы только не застрять на этой планете навсегда. Конечно, мы такие, что как тараканы ко всему привыкаем. С другой стороны, даже если эта раса уже дошла в своём развитии до освоения космоса, где гарантия, что я смогу, или они смогут, вычислить координаты Земли? Я так и не нашла ответа на вопрос, как мы оказались в этой точке кос-

мического пространства. На пути к Марсу нет никаких Чёрных Дыр, гравитационных или антигравитационных ловушек, нет искривления времени-пространства. Т.е. объяснить произошедшее я не в силах. Есть надежда, что меня, т.е. весь экипаж, будут искать, найдут, и за нами прилетят. Нет, нет надежды. Потому что это не про землян. Ну, точно не про тех, кто сидит в верхних эшелонах власти и выделяет деньги на космические программы.

Привал. Тим, я тебя почти люблю! И за этот необходимый отдых в начинающихся сумерках, и за то, что ты тут у меня один. Пока я жевала свой ужин, он в своей неизменной позе изучал меня. От моей еды снова отказался. Когда я доела, он лёг, как и вчера, на спину и закрыл глаза. Я тоже. Как и вчера – рядом.

Утро. Идём. Твою мать, задолбалась я идти. Мысли тоже уже еле ворочаются в голове. Язык, тот с утра распух, т.к. воды у меня больше нет. Беспольные бутылки я выбрасываю прямо по ходу: вот так человечество следит везде, где оказывается. Я упала, – больше не могу. Он даже не оглянулся. Закрыла глаза, повернувшись на спину. Тварь! Не та, не из-под песка. Тим – тварь. Оу, как хорошо: лицу почти прохладно, во рту чувствуется влага, – такая желанная, такая отвратительная на вкус... Что? Чем это он меня поит? Той мочой из тела твари? А-а-а, но не вырвала.

– Спасибо, Тим.

Но идти я больше не могу. Хоть сколько хочешь мне тут

показывай рукой в любую сторону, я не какой-нибудь тебе африканский туземец, привыкший к таким условиям. Тут же я почувствовала, как меня, подобно мешку с картошкой, забросили на плечо и понесли. М-м-м, а у него ничего так по-па. Даже сама по себе, даже прикрытая штанами, она является очень даже примечательной частью его тела. Даже, если смотреть на неё сверху вниз.

Несли меня долго, неудобно, но я не сопротивлялась. По крайней мере, оправдаю вступительное слово к главе про крепкое мужское плечо. Совершенно внезапно и без предупреждения меня сбросили на песок. Тварь! Тут же Тим схватил меня за шкуру и развернул к ... Ура! Мой модуль! И не ищите несоответствия во времени: Тим просто ходит быстро и без остановок.

И откуда только силы у меня взялись? Я кинулась к модулю, открыла проход и вошла, нет, вползла внутрь. Пригласила попутчика. Да ну! Ему интересно! Смотрит, трогает. Ага, нажимай, нажимай, всё равно никуда не улетим. Закрывать люк смысла не имеет, пусть проветривается помещение. Говорить со мной он всё равно не стал: считает, что это бесполезно. Пока Тим рассматривал начинку модуля, я прошкандыбала к отсеку с душем. Пусть меня обвиняют в отсутствии гостеприимства, но в душ я – первая. Как же это прекрасно – ощутить себя чистой! Сменила одежду на ту, которая имела в комплекте на станции. Вышла к Тиму, и потащила его за собой.

– Посмотри, ты тоже можешь помыться. То, что ты ешь сырое мясо и пьёшь мочу животных, не должно значить, что ты и не моешься.

Я включила на секунду воду, – на секунду, т.к. её нужно экономить! Тим потрогал мои мокрые волосы, вероятно, заценил. Или же понял, что вода не ядовита, раз я осталась живой и даже лучше выгляжу. Знаками и ужимками я объяснила ему, что нужно раздеться, и как помыться. И оставила наедине с водой. Пока инопланетянин оценивал плюсы земной цивилизации, снова наполнила рюкзак. В модуле, как я уже говорила, запасов было на пятерых членов экипажа на несколько дней. То, что мы продолжим путь, я даже не сомневалась. Во-первых, Тим куда-то шёл и, видимо, ему туда очень надо. Во-вторых, я бы всё равно не осталась, т.к. это означало бы смерть в пустыне. Рано или поздно. Лучше умру гордо – на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.